

Такое социальное «удобство», утвердившись в качестве принятой обществом «нормы», со временем способно не только разрушить хрупкую гармонию взаимоотношений человека и общества, но и вернуть в историю гнуснейшую форму рабства и насилия. Именно такой тенденции в общественно-политической истории особенно опасался В.С. Соловьёв, называя такой вид насилия «дьявольским», демонстрирующим насильственное вторжение «внешней общественной организации в духовную сферу человека с ложной целью ограждения внутренних благ» [2, с. 465]. Философ утверждает необходимость установления равновесия между личным и «собирательным интересом». К сожалению, идея «автономии личности» как условие гуманного общества, правовых законов и государства, не теряя предельно человеческого своего потенциала, практически не востребована. Увы, но не автономная воля гражданина, а воля «части» общества остаётся источником законодательства. Кантовское интеллектуальное сопротивление так называемому «привилегированному» праву (по сути – феодальному), где в ранг закона возводится право «части» (но не целого) общества, не стало нормой политического мышления. История сменила точки приложения насилия, но не разрушила само насилие, трансформировавшееся в новые, более изощрённые формы.

Литература:

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? 1784 // Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 25-35.
2. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 47-580.

Евтушенко Раиса Александровна

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Днепропетровского национального университета
имени Олеся Гончара*

О МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Вопрос о метафизических основаниях природы интерпретационной деятельности в историческом познании был предметом пристального внимания в западноевропейской философской и культурологической мысли с глубокой

древности. Можно упомянуть Аристотеля, поставившего задачу достоверного воспроизведения исторических фактов. В эпоху Возрождения намечается тенденция к установлению специфики исторического понимания. В новоевропейской культуре, накопившей огромный опыт освоения исторических фактов, ставится задача выработки «нормы» их понимания. В конечном счете, просветительская ориентированность на разум обусловила утверждение классических стандартов исторического познания: базируясь на идее закономерности протекания исторического процесса и идее прогресса, интерпретация прошлого представляла как поступательное продвижение по ступенькам лестницы мирового разума, постигающего самого себя. Телеологическая субстанциализация разума явилась метафизическим основанием осмысления прошлого, установления его значимости. Таким образом, классическая историческая наука и философия заложили фундамент чисто рационального, выражаемого в абстрактно-логических формах, воспроизведения исторической действительности, как проходящей определенные ступени своего развития. Образ будущего, конечного этапа исторического пути, абсолютного воплощения мирового разума – залог понимания не только прошлого, но и настоящего.

Как известно, К. Маркс, используя гегелевские принципы познания объективного духа (историзма, диалектики, логики) дал обоснование необходимости созидания такого будущего, которое стало бы идеалом для сферы практического разума (целесообразного действия). Интерпретация прошлого под углом зрения абстрактно представленного будущего содержала в себе те черты исторической действительности, которые характеризовали ее в аспекте утверждения уже сформировавшегося образа. Такая интерпретация исторических фактов, по сути, превращала их в сырье, материал (удобрение) для будущего, лишала их самоценности и уникальности. Гиперисторизм, в конечном счете, обернулся полным пренебрежением настоящего, его надлежало принести в жертву будущему.

Тем не менее, в западной философской и культурологической мысли (еще в период господства просвещенческой идеологии) зарождается тенденция к ограничению рационалистической методологии постижения исторических феноменов, самобытность и уникальность которых, выражая бытие культуры как целого, востребовала нахождения иных средств определения их значимости. Попытка снять абстрактный покров с эмпирически-конкретной действительности немецкими романтиками (Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер), сосредоточенность на бытии единичного (С. Кьеркегор), настойчивый отказ А. Шопенгауэра объяснять исторический процесс как воплощение мирового разума стало свидетельством весьма широко устанавливающейся и последовательно развертывающейся традиции неприятия тех способов

отношения к прошлому, которые выносили ему вердикт с позиций Ratio. В то же время велся активный поиск оснований, intersубъективно выражающих самобытное содержание феноменов культуры; результатом стало бы возможным упорядочивание эмпирически конкретной действительности. Просветительские ориентации утилитарно-практического характера постепенно утрачивали силу, прошлое лишалось монументализма. В конце концов, рационально определяемая история уступает место субъективно-антропологическому ее воспроизведению, побуждающему к историческому самоосмыслению.

Показательным является феномен интерпретации прошлого у Ф. Ницше. По его мнению, если монументальное изображение прошлого господствует над остальными способами исторического описания, т. е., над антикварным и критическим, то от этого страдает само прошлое: его значительные пласты забвению и пренебрежению. Наиболее продуктивным способом отношения к прошлому Ницше считает критический, но только если тот используется в целях служения жизни. Необходимо развивать прошлое, чтобы жить дальше, привлекать на суд истории, выносить ему приговор. В объяснении прошлого, замечает Ницше, следует исходить из того, что составляет высшую силу современности. Только путем наивысшего напряжения можно угадать в прошлом то, что в нем представляется стоящим познания и сохранения и что есть в нем великого. Следует подчеркнуть, что Ницше делает акцент на человеческом измерении прошлого – антропологической природе интерпретации. А поскольку сам интерпретатор принадлежит миру постоянно обновляющейся истории, постольку «вызов» современности обусловлен феноменом опыта субъективности.

Однако, изменчивость (временной характер) исторического опыта содержит опасность релятивизма, поэтому установление его структуры, смысловых связей в системах культуры, представляется весьма актуальной задачей в выработке значимого для целого человечества понимания прошлого. Необходимо, следовательно, найти такие основания, которые стали бы заслоном быстротекущим, лавинообразным интерпретациям прошлого, и тем самым обеспечили бы определенной нормой понимание исторических событий. В этом плане важнейшую роль сыграло неокантианство (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), возобновившее этико-нравственную направленность исторического познания. Так или иначе, ценностно-антропологическая ориентация, в противовес рационалистическим интерпретациям истории, образовала новую линию в западноевропейской философии, определившую в качестве исходного основания познания прошлого человеческий фактор. В дальнейшем, в учениях М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, других представителей